

Для старшего поколения труд являлся смыслом жизни, нравственным аргументом состоятельности, целостности личности. Практически не было людей, мировоззрение которых не базировалось бы на этом жизненном критерии. Общество понимало, что труд, прежде всего воспитатель, а уж потом источник средств для существования. Мы говорим на эту тему с Аббясом Каюмовичем Салькаевым, и он качает головой, сравнивая идеалы нынешнего молодого поколения со своими. Сопоставить ему есть что.

Отец, Каюм Синятуллович, позволил сыну только четыре класса проучиться в школе, затем забрал работать с собой в колхоз. Был он человеком строгих правил и твердых жизненных устоев. В годы военного лихолетья по мобилизации военкомата работал на рудниках Урала, добывал стране руду, из которой плавил металл. Для него трудовой фронт растянулся на пять лет.

— На фронт его не взяли по причине слабого зрения, - вспоминает Аббяс Каюмович, - но и в шахте вдоволь повидал лиха. И меня с малых лет за собой утянул в трудовую круговерть. Так, до 18 лет я и проколхозничал.

В армии «свет» увидел Салькаев. Попал служить в Германию. Мотострелковая дивизия дислоцировалась в Ютербурге. Для кого армия тяжелое испытание, а для таких привычных к трудностям, как Аббяс Каюмович, если не отдых, так уж отпуск от деревенской натуги точно.

— Когда я вернулся со службы в Лямбирь, - продолжает Салькаев, - надумал съездить в гости к зятю, Каникову Али, который работал на шахте в киргизском городе Сулюкта. Да так и остался в этом знойном краю.

Сулюкта – в нескольких десятках километров от самой южной точки бывшего Советского Союза города Оши. Климат жаркий. Благодать круглый год. А тут еще и зять пристал, как банный лист, оставайся, мол, здесь. Работы на шахте навалом. А зарплата... Человеком себя почувствуешь.

Пошли к директору шахты. Иван Яковлевич Хряков, осмотрев кряжистую фигуру Салькаева, удовлетворенно крякнул.

— Нам сильные мужики нужны. Не каждый в шахте выдюжить может, а ты, я вижу, крепок телом.

Так в 1958 году первый раз спустился в шахту Аббяс, так 33 года и рубил угольную лаву. Когда отбойным молотком, когда врубовым комбайном. За труд платили по тем временам «бешеные» деньги. По 400-500 рублей в месяц зарабатывал.

Но и смерть ходила за плечами все тридцать три года. То пожар в выработке случится, то рванет где-то... За каждым происшествием человеческие жизни.

— Чаще всего из-за халатности нашей, - воспоминания тенью пробегают по лицу Аббяса.

— Перед глазами молодая женщина-мотористка. Попала под взрыв. Добыча угля велась и взрывным методом, и она поспешила к своему рабочему месту через зону поражения.

И все...

В забое по три проходчика шесть часов в смену работали бок о бок. Каждый следил за тем, чтоб концентрация пылевой угольной взвеси не превысила допустимые пределы. Она что порох – искра – и взрыв.

Однажды три спасателя по собственной оплошности лишились жизни. Тушили пожар в забое, используя автономные дыхательные аппараты. Сделали дело и сняли маски с лица. Да поспешили: надышались угарного газа до смерти.

Не менее опасно в пыльном забое работать без респиратора. Въедливая взвесь лезет во все легочные поры. А потом приговор врачей – силикоз. С ним недолго ходят люди по белу свету.

Аббяс это уяснил с первых дней работы в шахте, поэтому следил за собой и товарищами по забою пристально.

— Бог того бережет, кто сам себя бережет, - говаривал он товарищам.

Через год женился на местной, Санье Дашкиной. Обустроил свое жилье комфортно.

Две дочери родились: Зимфира и Ильвира.

Работал Аббяс другим на зависть, себе на славу. В результате получил три награды: знаки «Шахтерская Слава» всех трех степеней.

Представляли к званию Героя Социалистического Труда. Но первый секретарь райкома партии недовольтно поморщился, прочитав представление руководства предприятия «Сулюктауголь».

— У нас своих местных что ли нет для награждения этим высоким званием?

А вы мне на подпись пришлых подсовываете. Замените на своего.

По своей душевной простоте Аббяс Какюмович даже не обиделся на это. Работал, как прежде, и был доволен жизнью. До тех пор, пока не случился коллапс – страна распалась по частям. Оказалась семья за границей.

Этот «жизнераздел» прошел прямо по семье Салькаевых. Когда на бытовом уровне ощутил Аббяс притеснения и унижения: «Зачем наш стран приехал?» - с издевкой спрашивали местные - понял, надо возвращаться на Родину. И тут случилось то, чего в душе шахтер опасался больше всего: его любимая Санья наотрез отказалась покидать родные края.

— Здесь я родилась, здесь и помирать буду, - отрезала она в ответ на уговоры мужа.

И он уехал из обжитого места. За ним потянулась и дочь Зимфира.

В родном Лямбуре нашел Аббяс и работу и кров. Все это ему предоставило руководство «Сельхозтехники», поскольку был он ценным специалистом для предприятия. Работал слесарем-ремонтником. Эта профессия здесь считалась основной.

Младшая дочь Ильмира в Ташкенте "пустила корни". Двумя внучками одарила. Только один раз за долгие годы смогла приехать к отцу: в другом государстве живет. Даже на похороны к матери в Сулюкту не смогла успеть – через три государства нужно было добираться, визы, документы выправлять.

— Границы нужны тем, кто рвется к власти, народам эти барьеры ни к чему, они жить мешают. Вот и сейчас на Украине тоже самое. Хватит разбрасывать, пришло время собирать камни. Иначе не по земле пройдет раздел, а по сердцам миллионов. Мне-то хорошо это известно.

Шахтером срок выхода на пенсию в 50 лет. В Лямбурь вернулся Аббяс ветераном труда и пенсионером. И все равно работал в «Сельхозтехнике» до тех пор, пока «шахтерская болезнь» - силикоз – не нанесла свой разрушительный удар по здоровью. Первую группу инвалидности получил Салькаев. Но ни разу не пожалел о том, что выбрал труд критерием собственной личности.

НИКОЛАЙ СКОБЛИКОВ.